

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И БОРИС ПАСТЕРНАК ОСТАВИЛИ НЕ ТОЛЬКО СТИХИ И ПРОЗУ, НО И ПИСЬМА ДРУГ ДРУГУ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВАГРИУС» ПОДГОТОВИЛО ИХ К ПЕЧАТИ

Пора читать чужие письма

ПУБЛИКАЦИЯ
Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

Публикацию, в которую войдут почти двести писем Цветаевой и Пастернака плюс четыре письма Пастернака Сергею Эфрону и шесть писем Эфрона Пастернаку, ждали давно. По воле дочери Цветаевой, Ариадны Эфрон, надо было ждать начала XXI века. Большая часть писем Пастернака хранилась в фонде Цветаевой в РГАЛИ. Другую часть публиковали наследники Пастернака.

Что касается писем Цветаевой к Пастернаку, сохранилось их мало: сотрудница музея Скрябина, которой Пастернак во время войны доверил письма Цветаевой (а также письма родителей), всегда возила их с собой в маленьком чемоданчике. «Однажды зимой она в крайнем утомлении возвращалась к себе домой, на дачу. На полдороге от станции она в лесу спохватилась, что оставила чемоданчик с письмами в вагоне электрички. Так уехали и пропали письма Цветаевой» (Б.Пастернак). Правда, Александр Крученых сделал копии с части писем и тем спас их. Что-то восстановлено по черновикам писем в рабочих тетрадях Цветаевой, и это позволило заново создать текст эпистолярия.

Так что переписка отражает и результаты текстологической работы, основанной на концепции, что в прозе поэта не бывает «черновиков», которые можно отбросить. Поиск слова, фразы, любое поэтическое косноязычие сами по себе важны, понятие «законченного» тут не существует. Равно как не бывает у больших поэтов пустой болтовни: любая «болтовня», какой на первый взгляд много в переписке, — это и искание смысла в поэтической деятельности, непрерывно обесмысливаемой политическим контекстом, и поиск понимания, потому что одиноки оба — он в России, она во Франции.

«Роман в письмах» вышел странным: у нее порыв, обломки фраз, «пуантилизм»; у него густая словесная масса, магла плохо сформулированных смыслов, низкочастотное гудение шмеля. Для авторов переписка означает разное, и цели у обоих разные. Для Пастернака Марина Цветаева по преимуществу — один из поэтических ориентиров, символ крайнего полюса литературы. Ориентиры эти указывали путь в сторону, противоположную «среднестатистической», стертой советской или эмигрантской литературе. Цветаева особенно ценна для него тем, что он ощущает органику ее литературной революционности, органичность ее неготового языка, на котором она изъясняется в стихах и прозе.

Цветаевой же «роман в письмах», создаваемый как дневник, изо дня в день, нужен прежде всего как постоянный повод для эротической взвинченности, энергетика которой трансформируется ею в энергию лирического порыва. «Борис, все эти годы живу с Вами, с Вашей душой, как Вы — с той карточкой... Ты мне навзрыд родной, такой же страшно, жутко родной, как я сама, без всякого уюта, как горы. (Это не объяснение в любви, а объяснение в судьбе.)» (14 февраля 1925 г.). «Борюшка» в далекой Москве — это зеркало, в которое смотрится Марина и видит там себя влюбленную, готовую свернуть поэтические горы.

Чтобы обострить ее ощущения и немного отвести «удар» от себя, Пастернак вводит в 1926 г. в «роман в письмах» третьего — Рильке, заочно знакомит его с Цветаевой, образуя «брак втроем» (но по переписке: Рильке Цветаева никогда не видела). Находясь в полном упоении, она даже не замечает, что Рильке при смерти. На ее отчаянный вопль: «Ты меня еще любишь?» (ноябрь 1926 г.) — Рильке уже не мог ответить.

Пастернак же боится накала страсти, веющего от писем Марины эротического жара, он ищет душевного комфорта, ее страсти — даже на бумаге — его утомляют, у него своя жизнь, дети, жены, он переходит от первой ко второй в поисках простоты и комфорта, тем более ему не нужны эротические откровения Марины. Но и возможность выговариваться важна, больше некому, в Москве он страшно одинок, она же пишет ему о нем, для нарцисса это бесконечно ценно, и потому он не хочет Цветаеву терять. Он прописывает в письмах к ней свое поэтическое кредо, свое понимание лирики, оправдывается за грехи перед совестью и постоянно просит ее ус-

Влюбленные по переписке
Марина Цветаева...

... и Борис Пастернак

покоиться: «Марина, бездоннодушный друг мой, соседняя топка житейской котельной, под теми же парами... умоляю тебя, нам не надо взрывать!» (4 марта 1926 г.).

В канун пышно отмеченного юбилея Октября Пастернак предупреждает: «Знаешь ли ты, что сейчас такое Россия? О, конечно, больше прежнего это постоянная возможность оказаться за одним

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Хотели бы вы, чтобы когда-нибудь ваша переписка была опубликована и стала достоянием общественности? С таким вопросом «МН» обратились к писателям-современникам.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

— Хотел бы. Все, что касается поэта, скрывать нельзя. Собственно, упоминание поэта начинается с его стихов. В них он говорит о себе все, почти все. Переписка же добавляет понимания.

Людмила УЛИЦКАЯ:

— Нет. У меня есть какое-то число записных книжек, и я уже сказала родным, что эти книжки когда-то надо будет уничтожить. После писателя должны оставаться тексты, которые он сам назначил для печати. Часто в письмах сообщается об их авторах нечто, чего публике знать не следует. Яркий пример тому — опубликованная переписка Марины Цветаевой с Борисом Пастернаком. Эти письма из уважения к Цветаевой надо было оставить закрытыми в архиве.

Александр КУШНЕР:

— Нет, наверное, не хотел бы. Я писал частные письма людям, не думая о будущем. Мои письма — это не литература для читателя. В моем случае частная переписка должна оставаться частной. Разумеется, я сам люблю читать письма Льва Толстого, Фета, Цветаевой, Пастернака... Они мне представляются особым жанром, я бы назвал его даже литературным. Но свои письма я под эту категорию не подвожу.

К финалу переписки, к середине 1930-х, Цветаева все более и более трезво оценивает советскую реальность и место Пастернака в ней, а он все сильнее себя «анестезирует»

столом с осведомителем, с тенью вечной бессовестности, подпущенной под тебя для того, чтобы твою горячую, выдающуюся верность подделать под предательство» (24 октября 1927 г.). Но она в ответ пишет о своем желании съездить в Россию на месяц, тема стукачей ей далека.

Цветаева убеждает Пастернака, что он лирик, а не эпик, он то спорит, то соглашается, но видно, что Цветаевой трудно понять пастернаковские «приспособительные» конвульсии внутри советской идеологии и попытки (в которых главная смысловая часть — это «пытки») стать частью советской литературы. Любопытно, например, как он пытается «оправдаться» за «Спекторского»: «Ты увидишь, это не совершенно пустое место. Какое-то значение ему присвоится. И там имеешь ты, ты в истории, моей и — нашего времени. — А вот баллада» (письмо от 5 марта 1931 г.; Цветаева была прототипом Марины Ильиной из «Спекторского»). И далее следует текст «Баллады», в ней — оправдание. Вообще для понимания пастернаковского приспособленчества новопубликуемые письма дают немало. Занятно письмо 1926 года, в котором он вдруг заявляет, что «настоящее живое искусство уже и в дни нашего детства было социалистическим». Это именно и есть то, что Тынянов диагностировал в преамбуле к «Смерти Вазир-Мухтара»: «Как страшна была жизнь превращаемых».

У эпистолярного романа есть динамика. К финалу переписки, к середине 1930-х, Цветаева все более и более трезво оценивает советскую реальность и место Пастернака в ней, а Пастернак все силь-

нее себя «анестезирует», стараясь не вдумываться в то, что происходит. Происходит же затопление страны в океане лицемерия, лжи, несвободы, что сейчас понять легко по принципу аналогии. Литература вытесняется пропагандой, культура нужна только массовая.

Выдающийся документ — впервые публикуемое последнее письмо, написанное Цветаевой в марте 1936 г. Любовь ее осталась в далеком-далеком прошлом (а прошло только 10 лет!), теперь доминирует суровая «социология». Цветаева порицает Пастернака за то, что он мажется (пропущено, но подразумевается слово «в дерьме»), полемизируя с Безыменским; порицает за пустые обольщения: «Ничего ты не понимаешь, Борис (о лиана, забывшая Африку!) — ты Орфей, пожираемый зверями: пожрут они тебя. Тебя сейчас любят все, п.ч. нет Маяковского и Есенина, ты чужое место замещаешь... Тебя никакие массы любить не могут, так же как ты — никаких масс любить не можешь...»

Короче, она прочит ему несчастья, и символично, что ответа на это письмо уже нет. Пастернак, видимо, просто боится перлюстрации. Писать уже нельзя, как нельзя думать, потому что потом можно проговориться. Пастернак к середине тридцатых мимикрирует, а Марина Цветаева, в письмах, направляемых в концлагерь (в середине 1930-х это уже совершенно ясно), предстает значительно более умной, чем она оказалась спустя всего четыре года, когда вернулась в СССР на неминуемую гибель. Роман в письмах доходит до страшного финала и сам собой прекращается.